УДК 028.01-053.81 + 004.072.2-053.81

В. Я. Аскарова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье речь идет о методологических аспектах изучения чтения российской молодежи: обоснована необходимость формирования исследовательских подходов, связанных с трансформациями в книжном процессе, появлением новых дифференцирующих оснований взаимодействия с названной категорией читателей, необходимостью выявления стимулирующего или, напротив, угнетающего воздействия различных коммуникационных каналов. Представлены адекватные для нынешнего этапа развития цифровых технологий теоретические подходы исследования «Чтение российской молодежи в век цифровых технологий: стимулы и практики». Охарактеризованы базовые понятия исследования, показаны различия и эмпирические индикаторы практик чтения, практик читательской деятельности; рассмотрена значимая для современной молодежи система стимулов чтения на институциональном и неинституциональном уровнях. Сделаны выводы о необходимости разработки методов и приемов выявления практик чтения на основе произошедших в книжном процессе трансформаций, особенностей коммуникативного поведения и познавательной деятельности поколения *зет*, выявления действенных для него стимулов чтения и переосмысления деятельности институтов инфраструктуры чтения на основе субъект-субъектного взаимодействия с молодежью в реальном и сетевом пространствах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поддержка и развитие чтения, наука о чтении, цифровое поколение, методология исследования, практики и стимулы чтения.

Чтение в условиях радикальных трансформаций книжного процесса: проблема осмысления

Цифровая эпоха, переживаемая современным человечеством, породила кардинальные изменения практически во всех сферах общественной жизни, радикально перестроила всю систему коммуникативного поведения людей, что не замедлило сказаться на тематике, жанрах и формах презентации литературной продукции, практиках чтения и особенностях взаимодействия читателей с различными социально-коммуникационными институтами, входящими в инфраструктуру чтения — систему институциональных структур, предназначенных для создания, хранения, распространения, популяризации печатной продукции и письменных документов, организации чтения, стимулирования и повышения качества читательской деятельности (издательства, книготорговые заведения, библиотеки, образовательные и научные учреждения, архивы, литературные музеи, театры, кинотеатры, религиозные учреждения, бумажные и электронные СМИ, заведения пенитенциарной системы, общественные объединения литераторов, издателей и распространителей печатной продукции, а также Интернет с его широким спектром ресурсов, связанных с книгой и чтением)

М. Ю. Гудова эти изменения обоснованно связывает с глобальными трансформациями, которые происходят в сферах издания, хранения и способах

© Аскарова В. Я., 2018

распространения текстов [4]. Эти трансформации делают невозможным воспроизведение ранее накопленных подходов в культурной политике, составной частью которой является системная работа в поддержку чтения и его развития; требуются новые стратегические и тактические решения на основе изучения читательской деятельности, кардинально изменившейся в век высоких информационных технологий, прогрессивно возрастающей скорости коммуникаций и радикально изменившейся структуры досуговой деятельности [12].

Без непредвзятого изучения процессов, протекающих в сфере чтения, немыслимо выявление наиболее адекватных практик стимулирования читательской активности детей и юношества. Однако решение поставленных исследовательских задач затруднено нынешним состоянием интегративной науки о чтении и читателях, которую мы называем читателеведением; в настоящее время она пытается себя переосмыслить, уяснить свое место в ряду других дисциплин, уточнить предметную область, понятийный аппарат, пересмотреть теоретические подходы, методологию и методику исследований, о чем мы писали ранее [1]. Это актуально как для российских, так и для западных исследователей. Д. К. Равинский обращает внимание на то, что и на Западе пытаются выработать новые методологические подходы к изучению читателей, грамотности чтения и функциональной грамотности в реалиях новых информационных технологий и развития мультимедийных носителей текста, так как сложившаяся методика изучения чтения слишком жестка и безапелляционна, базируется на устаревших методологических подходах и не учитывает такое сложное и многомерное явление, как новые виды грамотности [9]. Н. Н. Сметанникова также отмечает, что к настоящему времени в зарубежной науке не сложилось теории чтения, которая могла бы стать безупречной основой для исследовательской деятельности в условиях экспансии информационных технологий [11]. Более того, наука о чтении находится на ничейном положении; на сегодняшний день ни одна дисциплина не принимает на себя меру полной ответственности за ее состояние.

В результате в современной России, несмотря на обилие высказываний о состоянии чтения (причем преимущественно алармистского характера), нет объективной картины читательской деятельности ни одной категории населения. Это особенно нетерпимо, когда речь идет о молодых людях, чтение которых, ввиду его колоссальной значимости для социализации, является объектом пристального внимания во всем цивилизованном мире. Представляется совершенно очевидным, что трансформации в коммуникационном поведении, наиболее характерные для молодежной среды, требуют от институтов инфраструктуры чтения существенного пересмотра усилий, направленных на стимулирование читательской деятельности учащейся молодежи — старшеклассников и студентов, дифференцированного подхода к каждому молодежному сообществу.

Актуальнейшей проблемой является выявление дифференцирующих оснований, определяющих взаимодействие институтов инфраструктуры чтения с молодежью; в данном контексте значимы не только индивидуально-личностные, но и социальные, культурные различия представителей названной категории читателей (происхождение, материальное положение, традиции семейного воспитания,

ценностные ориентации и культурные нормы социального окружения, качество и место образования, место работы, характер профессиональной деятельности). В ряде случаев имеет значение включенность молодого человека в различные субкультуры, интерпретативные и сетевые сообщества. Существует масса субкультур, ценностные ориентации которых связаны с миром книги и чтения: киберпанк, ванильки, нью-эйдж (new age), фуммри, ролевики, анимешники (отаку), толкинисты, поттероманы, лукьянисты, акунисты, девочки-«винишко» и др. Например, киберпанки увлекаются произведениями жанра антиутопии (У. Гибсон, Ф. Дик, С. Лем, С. Лукьяненко, Д. Симмонс, Б. Стерлинг, Т. Уильямс и др.); ванильки и близкие к ним по духу девочки-«винишко» — псевдофилософской литературой и литературой романтической тематики; представители нью-эйдж тяготеют к чтению литературы, культивирующей духовное самосовершенствование; ролевики в основном выбирают произведения в жанре фэнтези, которые дают им возможность создавать игровые сценарии (Дж. Р. Р. Толкина («Хоббит», «Властелин колец»), Дж. Роулинг (серия «Гарри Поттер»), Дж. Р. Мартина (цикл романов «Игра престолов»), С. Лукьяненко (серия «Дозоры»), Д. Глуховского (серия «Метро 2033»)) и т. д. Вместе с тем данные онлайн-опроса студенческой молодежи, проведенного Д. Хафизовым в 2017 г. в вузах Челябинска, показали, что количество респондентов, относящих себя к субкультурам, невелико — 10 % опрошенных [16]. К тому же, как отмечает И. Д. Тузовский, невероятное ускорение и «плотность» коммуникационных процессов в последние годы существенно сократили жизненные циклы субкультур до трех-четырех лет, что исключает возможность долгосрочного социокультурного проектирования [15].

Поэтому, возможно, более значимым дифференцирующим основанием взаимодействия институтов инфраструктуры чтения с молодежью является принадлежность молодых людей к интерпретативным сообществам; этим термином Н. Л. Соколова обозначает совокупность зрителей/читателей/слушателей/игроков, включенных в интерпретацию текстов, коммуникацию и создание собственного контента [13]. Закономерен вопрос о том, насколько включено «цифровое поколение» в интерпретативные сообщества, каковы их разновидности, а также насколько молодые люди готовы и хотят участвовать в различных трансмедийных проектах, какие варианты подобных проектов для них наиболее предпочтительны. В этом плане наибольший интерес, разумеется, представляют интерпретативные сообщества, возникающие на литературно-текстуально-дискурсивной основе: они обладают собственными интерпретативными стратегиями, на основе которых участвуют в любительской критике, комментировании, создании собственных трансмедийных проектов и объединяются как жанровые, исторические, виртуальные сообщества. В основном это фандомы, группирующиеся вокруг популярных в молодежной среде литературных явлений — аниме, манга, комиксы, фэнтези и др., а также конкретных сериалов, книг и авторов; участники фандомов создают свой контент — фанфикшн — на основе персонально значимых литературно-художественных произведений.

Необходимо также выявить стимулирующее или, напротив, угнетающее воздействие различных коммуникационных каналов, технологий и социально-

психологических механизмов общения, своеобразие стимулов и практик чтения в условиях развития цифровых технологий и широкого распространения электронных текстов. Количество интернет-ресурсов, оказывающих стимулирующее влияние на чтение, растет в геометрической прогрессии: это электронные библиотеки, полнотекстовые базы данных, сайты, блоги, рассылки, рекомендательные сервисы, площадки профессиональной и непрофессиональной рекомендации литературной продукции, а также различные формы самоорганизации и коммуникации читателей — сетевые клубы, читательские сообщества и проч.

Изложенное видение проблемной ситуации побудило группу научно-педагогического коллектива Челябинского государственного института культуры приступить к исследованию «Чтение российской молодежи в век цифровых технологий: стимулы и практики», цель которого — выявление стимулов и практик, определяющих читательскую деятельность различных групп учащейся молодежи (старшеклассников и студентов). Полагаем, что их изучение придаст импульс для пересмотра и уточнения широкого спектра действий, направленных на активизацию чтения «цифрового поколения».

Понятийный аппарат исследования «Чтение российской молодежи в век цифровых технологий: стимулы и практики»

В целях уточнения понятийного аппарата исследования и определения его проблемного пространства поясним свои теоретические позиции.

Для словесного обозначения человека, взаимодействующего с письменными текстами, которые мы понимаем как связную и полную последовательность знаков, письменное послание, выполненное с помощью иероглифического, пиктографического и алфавитного письма, используется термин *читатель*[1] — условная композитная фигура, основной адресат деятельности по книгоизданию, книгораспространению и библиотечному обслуживанию. Это человек, который приобретает книги в личное пользование, подписывается на периодические издания, посещает библиотеку и ее мероприятия, входит в сетевые читательские сообщества, осуществляет восприятие текста (бумажного или экранного), использует те или иные практики чтения, осваивает его различные стратегии, формирует определенные читательские компетенции и проч., то есть реализует читательскую деятельность как осознанную активность, направленную на удовлетворение собственных потребностей посредством различных письменных текстов при культурном посредничестве производящих и распространяющих их социально-коммуникационных институтов. Отдельные аспекты этой деятельности взаимосвязаны, взаимообусловлены, переплетены и не могут быть интерпретированы в отрыве друг от друга; термин *читатель* в данном случае подразумевает обобщенный образ и трактуется в широком смысле этого слова.

[1] Это важно подчеркнуть, потому что в последние годы для обозначения человека, обращающегося к услугам книготорговых заведений, библиотеки, стали применяться термины *пользователь* и *клиент*, что вызывает категорическое неприятие, о чем писалось ранее. Термин *чтец* тоже не представляется удачным, так как им традиционно обозначается человек, читающий не для себя [1].

Говоря о чтении, мы имеем в виду трактовку, содержащуюся в «Новейшем философском словаре»: это «специфическая форма языкового общения людей посредством печатных или рукописных текстов (добавим: и электронных текстов. — *А. В.*), одна из форм опосредованной коммуникации» [17, *1252*]. В этом случае любую дешифровку письменного текста можно рассматривать как *чтение*, то есть раскодирование содержащихся в нем смыслов, включение их в уже известные значения, что сопровождается обогащением содержания текста предыдущим жизненным и читательским опытом, созданием различных образов в воображении и порождением новых смыслов. В последние года понятие *текст* обогатилось представлениями о текстах *новой природы*[2], которые представляют собой «*мысль, зафиксированную на каком-либо носителе, для отображения которой используется связанная последовательность разнородных символов (знаков вербальной и невербальной природы)*» [14, *21*]; имеются в виду разнообразные мультимодальные тексты, передающие смыслы вербальными и невербальными способами. Тексты новой природы в современной книжной культуре представлены в основном комиксами, произведениями инфографики, графическими романами, визуальными новеллами, рисованными заметками и проч.

Более детально проанализируем понятия *практики чтения, практики читательской деятельности, стимулы чтения*, поскольку они составляют предметное пространство нашего исследования.

Словосочетание *практики чтения* стало достаточно привычным, оно широко применяется в библиотечном профессиональном сообществе в несколько упрощенном варианте, подразумевая чтение с листа, с экрана и на слух. Более детально это понятие рассмотрено и представлено в содержательной работе М. Ю. Гудовой; опираясь на работы Р. Шартье и Г. Кавалло, она выделяет разновидности чтения, образующие его культурные практики: чтение-разглядывание, чтение-листание, чтение-комментирование, чтение-прослушивание, чтение-понимание[3], чтение-ощупывание, которые пережили череду трансформаций в историко-культурном процессе и переживают своеобразный «праздник воскрешения» в нынешней коммуникационной реальности [4].

Философское понимание практики как специфической целесообразной деятельности, обладающей признаками систематичности и повторяемости, предполагает включение в нее **предмета,** на который она направлена, **средств** и **способов**, с помощью которых достигаются определенные результаты [7]. Соответственно в практике чтения как частном случае культурной практики необходимо выявить предметы, средства и способы реализации деятельности по извлечению значений и смыслов из текстов; это важно для понимания соответствующих причинно-следственных связей, эмпирического изучения практик чтения, понимания границ возможной их коррекции и совершенствования.

---

[2] Соглашаясь с необходимостью расширительной трактовки понятия *текст,* усомнимся в правомерности их трактовки как *новых*. В историческом процессе происходит непрерывная смена носителей текста; каждый последующий по отношению к предыдущему воспринимался как *новый*.

[3] Чтение-понимание в этом ряду представляется не вполне уместным, так как понимание — это скорее не разновидность чтения, а характеристика его качества; понимание может быть достигнуто и в процессе чтения-прослушивания, разглядывания и проч.

В качестве **предмета** в данном случае выступают *носители текста,* которые, как известно, в ходе исторического процесса пережили череду трансформаций; это были *глиняные таблички, призмы, стелы, камни, кора дерева, деревянные дощечки, бамбук, папирус, ткань, кожа, бумага, экран электронного гаджета* и проч. Материал, форма каждого носителя предопределяли особенности организации текста и конкретных способов извлечения смыслов и значений из текста: разглядывания стел, табличек, разматывания папирусных свитков, перелистывания кодексов, разнообразных способов использования электронных текстов (прокручивания, фрагментирования, достраивания, комментирования и др.). Чтение с экрана в XXI столетии предопределило такие его способы, как визуальное, аудиальное и сенсорное чтение [4]. Смешение в текстах различных языков — вербального, иконического и других — требует и особой практики восприятия. На сегодняшний день самый нетрадиционный носитель текста, предполагающий способы чтения, которым еще нет названия, — книга-костюм (sensory fiction)[4].

Практики чтения, их развитие зависят также от двух взаимосвязанных показателей — стоимости и размера носителя текста[5]. Удешевление и широкое распространение книги связано с зародившимся в Древнем Китае и распространенном в Европе ориентировочно в XII в. применением бумаги для изготовления книги; изобретением печатного станка И. Гутенбергом; появлением изданий малого формата, первые из которых были названы *альдинами* по имени их талантливого изобретателя эпохи Возрождения — Альда Мануция; резким снижением стоимости книг в период производственно-технической революции второй половины XIX столетия; появлением стационарных и портативных электронных гаджетов в наши дни — персональных компьютеров, ридеров, планшетов, смартфонов. Это были важнейшие факторы развития практик чтения и использования произведений письменности практически повсеместно и в самых различных целях, сохраняющие свое значение и в наши дни. Именно дешевизна и удобство использования электронных текстов определили их конкурентные преимущества по сравнению с бумажными текстами.

Для облегчения чтения, придания ему комфортности, освоения его новых технологий изобретались соответствующие **средства**: мебель, приспособления для чтения, одежда, а с развитием информационных технологий — разнообразные электронные гаджеты: персональные компьютеры, ридеры, смартфоны и проч.

Наиболее известные исторические примеры мебели для чтения — римские кровати с высоким изголовьем для чтения лежа[6], складные пюпитры, позволявшие

---

[4] Это изобретение ученых Массачусетского технологического института. Читая книгу в прилагающемся к ней сенсорному костюму, читатель посредством сенсорных стимулов переживает те же эмоции, ощущения, настроения, которые переживает персонаж произведения. Пока существует только одна такая книга — произведение Э. Шелдон под названием «Девочка, которую подключили» [2].

[5] Если встарь стоимость книги была пропорциональна ее размеру (в Древней Руси стоимость наиболее объемных книг религиозного содержания была эквивалентна стоимости нескольких десятков бычков), то в наши дни, напротив, выше ценятся миниатюрные носители, вмещающие большой объем информации.

[6] Эта идея получила развитие: кровати стали излюбленным местом для чтения в последующие столетия, а в наши дни набирают популярность различные виды подушек, обеспечивающих физиологический комфорт чтения.

изменять положение книги, знаменитое «книжное колесо» А. Рамелли и английские изобретения XVIII в.: лампа Аргана для чтения в постели, стул, на котором читатель сидел «верхом» и как бы задом наперед, который использовался для чтения в библиотеках того времени, и проч. В XVIII в. у европейских дам появилась мода на *лизезку* — одежду для чтения, представляющую нечто среднее между ночной сорочкой и халатом. Современные разновидности мебели для чтения преследуют двоякую цель: обеспечить приватность пространства и возможность выйти за его пределы при условии достижения максимальной комфортности. Они представляют собой интеллектуализированное, индивидуализированное, изолированное, комфортное оборудование, оснащенное средствами для чтения, разглядывания и прослушивания мультимодальных текстов. Как отмечают С. Коженкин и К. Б Лаврова, ведущий тренд современной библиотечной мебели для чтения — включение в нее интегрированных устройств, позволяющих работать с самыми различными документами и мультимедийными материалами на интегративной основе [5]. Современные электронные устройства для чтения создают новые условия для развития практик нелинейного чтения, самостоятельного конструирования текстов и включения в процесс их создания.

Исторические развившиеся основные **способы** чтения — *вслух, шепотом, про себя, совместно* (последнее — так называемое *жужжащее чтение*, которое практиковалось в монастырях, и по сей день используется в начальных классах для выработки правильного произношения слов и преодоления трудностей чтения). В античном мире чтение сопровождалось энергичными телодвижениями, подчеркивающими выразительность текста. Телодвижения в форме раскачивания практиковались в Средневековье, служа более глубокому проникновению в смысл текста, его лучшему усвоению; считалось, что истинам, заключенным в тексте, требуются не только глаза, но и все тело. Эти способы прочтения распространялись не только на христианскую, но и на мусульманскую культуру, что было особенно важно при чтении Корана; требовалось не только громкое, медленное выразительное чтение с соответствующими телодвижениями, но и с плачем в определенных местах [6]. Особенности обучения чтению напрямую определялись представлениями о его способах.

Разнообразные способы чтения отразились на словесном обозначении сложившихся в историко-культурном процессе практик взаимодействия с текстом; они определялись словами *считать, видеть, слышать, говорить, раздавать, петь, добавлять, узнавать, разматывать, пробегать* (книгу); *встречаться, проходить, посещать, исправлять, толковать, разглядывать, рассуждать, комментировать, штудировать, просматривать, декламировать, проглатывать, разбирать, пролистывать, сканировать, скачивать* и проч.

Практики чтения можно рассматривать и в контексте владения читателем различными стратегиями чтения, которые определяют его качество; чтение бывает объяснительное, понимающее, смысловое, творческое, воспитательное, образовательное, рациональное, динамическое, акмеологическое и проч. Кроме того, выделяются ознакомительное, корректорское, редакторское, сплошное чтение, выборочное, сканирующее и т. д. [3, 8].

Практики чтения напрямую зависят от места их реализации. А. Мангуэль подметил, что на процесс чтения влияет не только материал, на котором написан текст, но и место чтения [6]: это могут быть дом, рыночная площадь, термы, театр, книжная лавка, скрипторий, библиотека, тюремная камера, туалет, транспорт, постель, кухня, будуары, литературные салоны, сад, лес, сквер, парк, учебная аудитория, кладбище, монастырь, церковь, столовая, пляж, общежитие, улица, литературные скверы, книжные дворы и клубы, летние читальные залы, безграничное сетевое пространство и проч. Специально издавались книги для чтения на улице, во время путешествия, в процессе купания (непромокаемые книжки для детей издаются и в наши дни). Каждое место определяло степень интимности или публичности чтения, его углубленный или поверхностный характер.

Изучение практик чтения современной молодежи связано с необходимостью понять, какие практики чтения являются наиболее распространенными у поколения *зет*[7], каковы изъяны этих практик в связи с особенностями мышления и когнитивного стиля этого поколения, каким стратегиям чтения необходимо обучать молодых людей для развития смыслового, творческого чтения. Актуальна и проблема оценки молодыми людьми литературного потока, который обрушивает на молодого человека интернет-пространство. В этом случае показателен опыт Финляндии, где детей на школьной скамье учат распознавать типовидовые особенности текстов, размещенных в интернет-пространстве, экспертировать их качество.

Близкое, но не тождественное понятию *практики чтения* — понятие *практики читательской деятельности*. Последняя обозначается нами как способы и средства реализации широкого спектра проявлений читательской активности: приобретение книг в личное пользование, книгособирательство; посещение библиотек и их мероприятий, книготорговых заведений, книжных ярмарок, выставок, салонов; участие в книгообмене, различных событиях по поддержке и развитию чтения, а также разнообразные проявления сетевой читательской активности: посещение интернет-ресурсов, связанных с книгой, чтением, ведение читательских блогов, сайтов или их фрагментов, размещение комментариев и отзывов о прочитанных книгах, сотрудничество в сетевых читательских сообществах и проч. Выявление наиболее привлекательных для цифрового поколения практик читательской деятельности позволит использовать наиболее действенные средства стимулирования его активности в сфере чтения.

Стимулы чтения в системе регуляции читательской деятельности

Охарактеризуем понятие *стимулы чтения*. Стимулы, как известно, это внешние раздражители, побуждающие человека к определенным действиям. *Стимулы чтения* соответственно понимаются как побуждение к нему под влиянием

[7] Автор опирается на теорию поколений, разработанную американскими учеными Н. Хоувом и В. Штраусом и адаптированную для России Е. Шамис [18].

определенных факторов; их выявление и грамотное применение — неотъемлемый элемент системы работы по поддержке и развитию чтения.

В ходе исторического процесса стимулы чтения, как и его практики, трансформировались под влиянием религиозной, хозяйственной, политической жизни и иных факторов; в разных странах и в разное время они проявляли себя на уровнях институциональной и неинституциональной регуляции читательской деятельности, своеобразно преломляясь в отдельных институтах, социальных общностях, демографических группах и внутреннем мире конкретной личности. Институциональная регуляция читательской деятельности осуществляется прежде всего на государственном уровне; властные структуры вырабатывают директивные и нормативные документы, формулирующие приоритеты развития книжного дела и отражающие представления о социально полезном и вредном чтении, что создает определенные условия для развития читательской деятельности, стимулирует ее развитие в определенном направлении.

Следующий уровень институциональной регуляции осуществляется институтами инфраструктуры чтения, которые опираются на государственные директивные и нормативные документы, общественные запросы и интересы саморазвития, профессиональные приоритеты того или иного института, уровень квалификации и состояния профессионального сознания занятого в нем персонала. Названные институты используют разнообразные социокультурные практики, направленные на стимулирование читательской деятельности: это книжные выставки, презентации книги, встречи с писателями, обсуждения книг, читательские конференции, экранизации, театральные постановки, викторины, игры, конкурсы, литературные квесты, видеоклипы, рекомендательные сервисы, информационные, реферативные и библиографические материалы, дайджесты, буктрейлеры, анонсы, книжная реклама, аннотация и проч.

Полиграфические эффекты книги, ее оформление (обложка, иллюстрации, шрифт), версия публикации — электронная или бумажная, ее размещение также оказывают стимулирующее воздействие на потенциальных читателей книги. В качестве стимулов, побуждающих к приобретению и последующему чтению книжно-журнальной продукции, могут быть использованы маркетинговые приемы и различные предпродажные шоу, связанные с именем автора книги, ее названием, включенностью в серию, ценообразованием и проч. К числу институтов, осуществляющих институциональную регуляцию, безусловно следует отнести и интернет-ресурсы, созданные институтами инфраструктуры чтения: библиотечными, издательскими, книготорговыми сайтами и блогами, рекомендательными, навигационными и экспертными сервисами. В наше время у старшеклассников и студентов в числе основных стимулов чтения могут быть прежде всего требования учебного процесса, будущей профессии, задачи социализации и инкультурации; на эти требования откликаются образовательные учреждения и соответствующие библиотеки.

Стимулы, порождаемые неинституциональной формой регуляции читательской деятельности, также претерпевают трансформации под влиянием трендов изменяющейся социальной жизни; они либо нейтральны по отношению к ним

и отражают потребности общества в самопознании и саморазвитии (создание книг, написанных «по собственному почину» на Руси в XVII столетии; влияние наиболее ярких выразителей общественного мнения — Н. М. Карамзина, В. Г. Белинского; нынешнее распространение самостоятельно сочиненных текстов в сетевом пространстве и др.), либо противоречат официальным институтам, выступая в качестве противодействия давящей системе (чтение «отреченных» книг в средневековой Руси, чтение «харатейных листов» в годы Петровских реформ, сочинений декабристов в России первой половины XIX в., удовлетворение читательских запросов посредством стихийных «черных» книжных рынков и бурной книгообменной деятельности, чтение антисоветских «тамиздатовских» и «самиздатовских» книг в СССР и проч.). В данном случае стимулом чтения является противостояние государственной системе, выражение общественной позиции. Значение неинституционального регулятивного уровня определяется возможностями общественной самодеятельности, степенью допустимости гражданских свобод.

В неиституциональной сфере стимулы чтения порождает также социальное окружение: традиции семейного воспитания, нормы и ценности непосредственного окружения, референтных групп, субкультур, интепретативных сообществ. Стимулирующее воздействие на чтение могут оказать также рекомендации медийных лиц, «значимых других», мода; в данном случае стимулирующее воздействие могут оказать такие механизмы общения, как заражение, подражание, внушение, идентификация, конформность. К стимулам, исходящим от неинституциональной сферы, отнесем также различные формы читательской самодеятельности в интернет-пространстве: различные формы непрофессиональной рекомендации книги, фан-клубы, различные читательские сообщества и др.

Стимулирующее воздействие пространства чтения

Отдельного рассмотрения заслуживают неявные стимулы, связанные с организацией пространства чтения и институтов его инфраструктуры. Это включение знаков книжной культуры в городское пространство, расширение пространства чтения в среде обитания и организация привлекательного пространства для чтения в специально предназначенных для него институтах.

Неочевидным, но значимым стимулом, воздействующим на подсознание, может быть наличие знаков книжной культуры в городском ландшафте: памятники читателям, книге, литературным героям, писателям, поэтам, деятелям книги, предметам литературных произведений. К сожалению, памятники читателям в нашей стране — редкость, но на улицах российских городов щедро представлены в различных визуальных версиях Остап Бендер, Киса Воробьянинов, Дама с собачкой, Муму и Герасим, Колобок, Царевна-лягушка, диван Обломова, гоголевский нос, сердце Снежной королевы и многие другие персонажи и предметы художественных произведений (культурологический анализ этого явления выполнил С. С. Соковиков [12]). Присутствие визуальных репрезентаций книжной культуры одухотворяет городскую среду, на бессознательном уровне формирует

культурные нормы социальной жизни, побуждает относиться ко всему, что связано с книгой, чтением, литературой, как к обязательной составляющей полноценного существования.

Для каждого поколения значимы свои пространства, оказывающие стимулирующее воздействие на чтение и собственные представления о привлекательности институтов его инфраструктуры. Важно понять, какими должны быть их акустические, визуальные образы, функциональные возможности. Если для поколения *икс* были привлекательны тихие читальные залы с обилием традиционных бумажных книг, то у *игреков* и *зетов* ожидания совсем другие: востребованы полноценное техническое оснащение, элементы модерности, разнообразные вау-эффекты, многофункциональность, дающая возможность реализации разнообразных практик чтения, общения и проведения досуга. Современные молодые люди хотят, чтобы процесс приобретения знаний, чтения сочетался с получением удовольствия. Отсюда создание в библиотеках стран, озабоченных судьбами чтения, зон для общения, отдыха на природе, реализации непривычных моделей поведения.

В мире наблюдается тенденция расширения пространства чтения, практикуются нестандартные символические дизайнерские решения архитектуры библиотечных зданий («мозг» в Берлине, «голова» в Ницце, «раковина» в Алма-Ате, «черный бриллиант» в Копенгагене, «парящий лист бумаги» в г. Сенджон и т. д.). Открываются отели-библиотеки (о. Самуи, Нью-Йорк, Вологда), книжные магазины-гондолы (Венеция). Книжные полки становятся традиционным украшением кафе, ресторанов и иных общественных мест. Книга стала модной формой различных аксессуаров: сумок, шкатулок, предметов домашнего убранства. Трудно сказать, что это: объяснение в многолетней любви к книге, долгое прощание с ней или подсознательное желание сохранить ее как стержень современной цивилизации хотя бы в символических формах. Очевидно одно: в странах, которые заботливо, изобретательно, с любовью создают и обустраивают библиотеки, занимаются организацией привлекательного пространства чтения, традиционно высоки показатели чтения. Это подтверждается результатами исследования PISA: государства Северной Европы и Юго-Восточной Азии (Сингапур, Южная Корея, Китай) в последние годы стабильно показывают высокие результаты, что позволяет сделать вывод о стимулирующем воздействии созданного в этих странах пространства чтения и его элементов.

Помимо всех перечисленных и безусловно значимых стимулов чтения, связанных преимущественно с внешним воздействием, важнейшим из них все же является мотивация, сформированная на основе имеющихся у личности потребностей: познавательных, коммуникативных, эстетических, престижных и т. д. Поскольку чтение является полимотивированной деятельностью, необходимо выявлять доминирующие мотивы чтения и сопутствующие им дополнительные мотивы. Самый надежный и долговременный фактор формирования читателя — формирование потребностей, предопределяющих развитие мотивации к чтению.

Таким образом, в системе работы по поддержке и развитию чтения молодежи нельзя не учитывать, что за последние 15–20 лет практики ее чтения и читательской деятельности претерпели радикальные изменения, что побуждает

в исследовательской практике выявить их зависимость от носителей текста, изменившихся способов и средств чтения, организации его пространства. Важно также исследовать наиболее действенные стимулы чтения в единстве влияний институциональной и неинституциональной регулятивных сфер. Полагаем, что на основе полученного эмпирического материала появится возможность определения дифференцирующих оснований взаимодействия институтов инфраструктуры чтения с молодежью и адаптировать действия по активизации названной категории читателей к изменившейся реальности.

---

1. *Аскарова В. Я.* Читатель как объект междисциплинарного исследования // От Года литературы — к веку чтения : коллектив. моногр. М., 2016. С. 11–66.

2. Бизнес-идея № 4674. Костюм для чтения книг [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000ideas.ru/article/biznes/tekhnicheskie-novinki/biznes-ideya-4674-kostyum-dlya-chteniya-knig/ (дата обращения: 12.06.2018).

3. *Бородина В. А.* Теория и технология читательского развития в отечественном библиотековедении: Научные и методологические основы : в 2 ч. Ч. 1. М., 2006.

4. *Гудова М. Ю.* Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : дис. ... докт. культурологии. Екатеринбург, 2015.

5. *Коженкин И. А.* Интеллектуализированное устройство для чтения // Кризис чтения: энергия преодоления. М., 2013. С. 86–99.

6. *Мангуэль А.* История чтения. Екатеринбург, 2008.

7. Практика // Краткий словарь философских терминов [Электронный ресурс]. URL: nenuda.ru›краткий-словарь-философских-терминов.html (дата обращения: 12.03.2018).

8. *Пранцова Г. В., Романичева Е. С.* Современные стратегии чтения. Смысловое чтение и работа с текстом : учеб. пособие. 2 изд., испр. и доп. М., 2015.

9. *Равинский Д. К.* Чтение. Грамотность. Библиотеки. Что сейчас обсуждают на Западе? // Кризис чтения: энергия преодоления. С. 53–65.

10. *Сметанникова Н. Н.* Ведущие зарубежные теории чтения XX века // Чтение, XXI век. М., 2015. С. 9–55.

11. *Соковиков С. С.* Мистерия книги: социокультурные контексты визуальных репрезентаций книги в культурном пространстве // От Года литературы — к веку чтения. С. 173–226.

12. *Соколова Н. Л.* Трансмедиа и «интерпретативные» сообщества // Международ. журн. исследований культуры. 2011. № 3(4). С. 16–21.

13. Тексты новой природы в образовательном пространстве общеобразовательной школы : сб. материалов международ. конф. «Педагогика текста». СПб., 2016.

14. *Тузовский И. Д.* Спецификации культуры цифровой эпохи // Молодежь в науке и культуре XXI века. Челябинск, 2017. С. 55–60.

15. *Хафизов Д. М.* Социокультурные практики повышения читательской активности молодежи: стимулирующие возможности моды : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Челябинск, 2017.

16. Чтение // Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. 3-е изд., испр. Минск, 2003.

17. *Шамис Е., Никонов Е.* Теория поколений. М., 2017.

Рукопись поступила в редакцию 31 июля 2018 г.